

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-615-631

EDN: FNWXDP

«Этика» войны в письмах солдат-участников СВО к детям*

М.А. Подлесная

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Б. Андроньевская ул., 5, стр. 1, Москва, 109544, Россия

(e-mail: yamap@yandex.ru)

Аннотация. С началом специальной военной операции (далее — СВО) актуализировались этический и идеологический аспекты войны, что имеет свои социальные последствия. Одно из них связано с воспитательно-идеологической компонентой и проявилось в том, что дети и школьники стали писать письма, отсылать поделки и рисунки солдатам. В свою очередь, эти послания нашли отклик у воюющих и породили ответное движение — коллективные письма солдат детям и школьникам, создание «стен поддержки» из писем и рисунков детей в блиндажах. В итоге возникло нечто похожее на переписку, где отразились не только представления мирных жителей на события СВО, но и «жизненный мир» солдата, его актуализированные ценности, проявленные и осознанные в ходе СВО, а затем зафиксированные в ее этическом и идеологическом дискурсах. В статье предпринята попытка разведывательно-анализа эго-документов — писем солдат СВО к детям — с точки зрения отражения в них представлений о войне. Проведенный анализ носит метатеоретический характер в том смысле, что сочетает дискурс-анализ (общий рефрен), нарративный анализ (письма) и биографический анализ (СВО как своего рода протяженный во времени момент эпифании, заставляющий человека переосмыслить свою жизнь в контексте коллективных идеалов). Основными категориями анализа выступили: отношение к врагу; отношение к убийству; отношение к смерти; нравственные императивы оправдания военных действий; пространство войны. Результаты анализа данных категорий формируют представление о «этике войны» нынешних российских солдат. Исследование носит междисциплинарный характер, сочетая в теоретическом плане идеи и подходы военной социологии, теории ценностей и этики. В частности, были учтены особенности так называемых «новых гибридных» войн, трансформации этики в современном обществе, различия идеологического и этического в собранных нарративах. Автор приходит к выводу, что ценностно и этически российские солдаты в определенном смысле находятся в прошлом благодаря крайне актуализированной исторической памяти (где подвиги дедов-прадедов и связь с ними особенно значимы), причем преимущественно это память о советском прошлом: СВО не только отождествляется с событиями Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, но и заимствует ее риторику, воспроизводя ее идеологические и этические нарративы.

Ключевые слова: этика; идеология; война и мир; этика войны; актуализированные ценности; специальная военная операция; солдаты; анализ писем; эго-документы

---

* © Подлесная М.А., 2024

Статья поступила 19.04.2024 г. Статья принята к публикации 14.06.2024 г.

Ключевая идея данного исследования состоит в том, что анализируемые письма солдат СВО к детям не являются сугубо личными материалами, поскольку возникшая переписка — часть общественного и идеологического дискурса, постоянно формируемого событиями СВО. Письма и рисунки детей, отсылаемые бойцам, — часть воспитательной работы учебных заведений, ответы солдат детям также «идеологически» выверены, что неизбежно откладывает свой отпечаток и делает данные материалы особенно интересными для социолога: с одной стороны, в неизбежной идеологической ангажированности писем отражается конструируемое коллективное самосознание; с другой стороны, в письмах представлены актуализированные войной ценности и личные переживания бойцов, ощущающих необходимость высказаться. Социологический аспект исследования выражен в фокусировке на сочетании и переплетении этического и идеологического в вырисовывающихся картинах мира, которые проявляются через письма и другие символические свидетельства возникших (через переписку) социальных отношений между школьниками и бойцами СВО.

Приступая к эмпирической части исследования, мы столкнулись с тем, что применительно к СВО сложно сконструировать концептуальный фрейм, поэтому нам пришлось опираться на несколько подходов: это и дискурс-анализ как общий рефрен, и нарративный анализ писем [13], и биографический анализ (СВО как момент эпифании, когда люди переосмысливают свою жизнь в контексте коллективных идеалов, что однозначно считается в письмах) [12]. Подобное метатеоретизирование, безусловно, усложняет работу с текстами, вынуждая рассматривать их сразу в трех аналитических «оптиках». Кроме того, рассматриваемая проблематика лежит в плоскости как минимум двух дисциплинарных полей — военной социологии и теории ценностей. Анализ соответствующей научной литературы позволил сделать следующие выводы в теоретико-методологической части исследования: во-первых, сформированная к настоящему времени как самостоятельная дисциплина военная социология, основанная на трудах таких авторов, как С. Хантингтон и М. Яновиц, сегодня пересматривает классические трактовки войны, переходя от категории «старые войны» [6. С. 21] к новой терминологии [5]. В частности, под «новыми войнами» понимается прежде всего «конфликт не нескольких национальностей, а борьба партикуляристов против гражданского мультикультурного населения» [15. С. 122]. Кроме того, многочисленные авторы исследуют трансформацию «современной войны» [1], ретроспективно обозначая ее основные вехи, изменения и отличительные признаки, и вводят понятия «гибридные войны» [18] и «новые войны» (в соответствующей литературе второе понятие считается более устойчивым в словаре исследователей войны) [6. С. 76].

Во-вторых, в ходе развития военной социологии постоянно возникают вопросы к ее методологии, поскольку предметом дисциплины, по оценке

отдельных экспертов, остается прежде всего военная организация, а не война как таковая [9. С. 111]. В этом проявляется объективная неспособность социолога исследовать все аспекты войны, включая мир как неотъемлемую ее часть и одну из четырех стадий связанного с ней особого состояния общества (предвоенный период, война, переход к миру (пост-война), мир). В связи с этим предлагается не отмена военной социологии, важность и необходимость которой не вызывают сомнений, но введение более точного обозначения, например, «социология войны и мира», предмет которой шире военной социологии. Сформулировано не только иное название, но и основные методологические принципы, позволяющие изучать войну в ее многообразии и многоаспектности. В первую очередь, это междисциплинарность с системной интеграцией макро- и микро-уровневого анализа, «постдисциплинарность» (актуализируются вызовы для нынешних и последующих поколений) и сочетание индуктивного и дедуктивного познания, т.е. изучение не только самих феноменов («вещь для нас»), но и «ноуменов» («вещь в себе», как она есть) [9. С. 111]. Эти принципы снимают вопрос об ограничениях предметной области военной социологии, помогая изучать войну в ее многоаспектности, в том числе глазами ее участников (военных и мирного населения), не только философствуя о войне [10] (в том числе выявляя ее биологические основания [7] и т.д.), но и замечая ее латентные механизмы.

В-третьих, спектр исследований военной социологии довольно широк: трансформации армии как социального института и военных организаций; военная культура и профессия военного; мотивация военного; транзит от военного к гражданскому статусу после боевых действий; военная и ветеранская идентичность; нормы и ценности, установки на сплочение и военное братство и др. Вместе с тем этическая и идеологическая составляющие войны недостаточно проработаны в эмпирических социологических исследованиях, где в качестве объекта анализа выступают материалы и свидетельства двух сторон — мирных граждан и военных участников — военного конфликта.

В-четвертых, в сфере этики и этического в настоящее время также наблюдаются трансформации. Этика в современном обществе (главным образом в США и Европе) переживает несколько взаимосвязанных процессов: с одной стороны, «субъект в современном обществе должен выстраивать свою этику сам, так как общество не предлагает ему единого стандарта» [8. С. 34], хотя субъект и действует, исходя из существующих норм и императивов, воспринятых им с детства; с другой стороны, именно в ситуации размытого общественного стандарта наблюдается так называемый «всплеск этической рефлексии» [8. С. 28]. В этом смысле этическое сознание оказывается «незавершенным», находится в постоянном становлении, «переводит ситуации из незавершенных в завершенные и обратно» [8. С. 18], зависит от выбора и решения конкретных этических задач субъектом, тем самым определяя и реализуя рисунок его судьбы. В данном контексте этика не столько тео-

ретическое учение или нормативная база, сколько определенный социальный факт и социальная практика, проявления которых мы можем наблюдать в конкретном действии.

В-пятых, мы разделяем этику и идеологию, поскольку последняя тесным образом связана с социальной и политической структурой, экономической системой общества. Более того, используя понятие «идеология», люди имеют в виду конкретную идеологию [4], а не сам концепт, который со времени его родоначальника Д. де Траси [3] претерпел значительные изменения, до сих пор оставаясь под значительным влиянием марксистского прочтения. Так, предложенное Э. Гидденсом определение идеологии также имеет марксистский налет: идеология — это «идеи здравого смысла и широко распространенные в обществе верования, которые служат — часто опосредованно — интересам господствующих групп и легитимируют их позицию» [2. С. 222]. Другая особенность идеологии заключается в том, что она может быть доминирующей, характеризуя соответствующую культурную гегемонию, и транслироваться через образование как один из основных идеологических институтов (А. Грамши), а также через СМИ, религию и массовую культуру (Л. Альтюссер). Этические идеи хотя и могут передаваться через те же институциональные структуры (образование, религия, культура, СМИ), но формируются иначе, в силу своей «незавершенности» и диалектичности как бы помещая субъекта в ситуацию постоянного самоопределения и выбора, где не последнюю роль играет степень и качество его рефлексии. Создается впечатление, что идеология всякую рефлекссию отбивает, или, вернее, затачивает на определенный лад, завершая процесс этического будущего в настоящем, утверждая его на тех началах, которые не переработаны индивидом, а предложены ему в качестве безусловных, — так он якобы выполняет «гражданский долг», соответствует «критериям евробезопасности», ценностям «подлинной демократии» и т.д. Причем идеология может быть как открытой, провозглашенной (например, в СССР), так и скрытой, контекстуальной.

Тем не менее, в области построения национального или любого коллективного самосознания у идеологии и этики есть и нечто общее — воспитательная компонента, которая в одном случае помогает усваивать общие ценностно-конструируемые нарративы, а в другом — осмысливать их через сложную систему фильтров, в которую включены и опыт предыдущих поколений, и поисковый запрос нынешних, и личность во всей своей сложности. В статье мы хотели бы избежать априорно негативной оценки идеологии: упоминаемые в тексте идеологические конструкты — не нечто «промывающее мозги», а элементы соответствующей картины мира, предлагаемой главным образом государством (хотя, безусловно, есть и другие господствующие группы) и разделяемой частью населения, поэтому эти конструкты можно и нужно фиксировать. Несомненна многоуровневость освоения и познания мира субъектом — через стадии иде-

ологического и этического осмысления, которые отвечают требованиям социального порядка. По сути, идеологическое — та рамка, которая задает основу сформированной в той или иной степени идентичности группы, а на практике может определять, например, голосование на выборах или коллективную акцию «Бессмертный полк».

Итак, начиная с 2023 года, благодаря обширным связям с волонтерскими организациями, нами был накоплен исследовательский материал, который представлен, с одной стороны, письмами взрослых, помогающих фронту письмами и рисунками детей и школьников, а, с другой стороны, ответными письмами бойцов СВО к детям. Были проанализированы более 200 писем взрослых, 100 детских рисунков из разных школьных организаций, 130 писем детей и более 40 ответов из различных войск и бригад (эго-документы [14]). В статье мы сосредоточимся преимущественно на письмах солдат к детям, написанных в период с мая по сентябрь 2023 года. По ходу представления данных, для их пояснения или предваряя их, мы будем обращаться к рисункам детей и к письмам волонтеров. В рисунках школьников наиболее ярко отражены идеологические нарративы — почти бессознательно дети воспроизводят на бумаге то, что им говорят в школе и семье (в данном случае для нас важны сами транслируемые идеологические нарративы, а не оценка степени их влияния). Безусловно, мы понимаем и признаем ограничения сделанных выводов, которые вытекают из работы с детскими материалами и письмами, особенно учитывая их публичное использование (они явно более идеологичны, чем сугубо личные материалы). В качестве категорий анализа этики войны выступили: отношение к врагу; отношение к убийству; отношение к смерти; нравственные императивы оправдания войны; пространство войны.

Начнем с анализа детских рисунков: были рассмотрены 100 рисунков, в статье для иллюстрации приведены два — они содержат основные, повторяющиеся из рисунка в рисунок маркеры и наиболее ярко воспроизводят идеологические штампы об СВО в пространстве детского творчества. Анализ рисунка используется как дополнительный метод, необходим для иллюстрации того видения войны, которое сформировалось в результате идеологической работы учителей с детьми в школе. Такой анализ в определенной степени дает понимание, кто пишет письма солдатам и с какими представлениями о конфликте (Рис. 1–2). Первое, что привлекает внимание, и это характерно почти для всех проанализированных рисунков, — бескровный характер СВО: нет изображений убийств или смерти. Идеологическая составляющая нарратива об СВО такова, что дети и школьники не воспринимают СВО как пространство массовой гибели бойцов российской армии. В худшем случае это ситуация на первом рисунке — боец ранен и находится в госпитале на лечении. Даже если

изображается бой или военная техника (чаще всего танки), они никогда не подбиты, не в огне, не с окровавленными солдатами. То есть тема смерти и гибели (в отличие от детских рисунков Великой Отечественной войны, которые мы также просматривали) слабо отражена в сегодняшней идеологической риторике. Возможно, это связано со спецификой идеологической работы в школе, где приходится беречь психику детей, но не исключено, что к третьему году СВО, благодаря работе СМИ, в обществе сложилось мнение о конфликте как о военных действиях без массовых потерь со стороны российской армии.

Рис. 1. «Будьте здоровы»

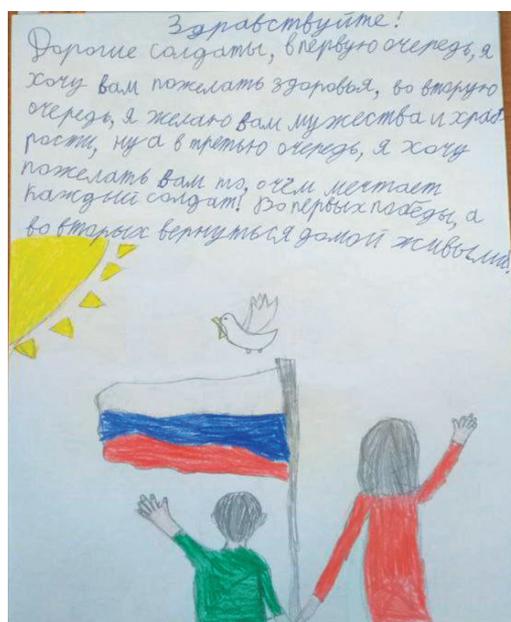

Рис. 2. Прощание

Военная спецоперация на рисунках показана как что-то далекое, происходящее «не здесь». Так, на рисунке 2 мы видим на первом плане стоящих спиной к зрителю женщину и мальчика, машущих в прощальном приветствии кому-то рукой, но впереди нет никого (солдата, отца или брата), и мы можем лишь догадываться, что это кто-то близкий, уходящий на войну. Примечательно, что в руках женщина и ребенок держат российский флаг — символ государственности, часто встречающийся на детских рисунках, отправляемых участникам СВО, что подчеркивает не только популярность флага среди школьников, но и то, что именно триколор символизирует ту государственность, с которой остаются и которую «несут», поддерживают оставшиеся (мать с сыном и в целом граждане). В этом смысле, если верить рисункам учащихся, в школах транслируется еще один нарратив государственной идеологии: воюют не только те, кто ушел «туда», но и остающиеся «здесь» — они отвечают за сохранение государственности. Примечательно, что ситуация условного «прощания» (непонятно, с кем все же прощаются, что само по себе симптоматично) в целом радостная благодаря изображенному солнцу и голубю над флагом, что отсылает к еще одному нарративу о хорошем обществе и хорошем государстве, стремящемся к миру, а не войне (поэтому военные образы и действия в принципе редко присутствуют на рисунках).

Также на детских рисунках часто наблюдается фронтальная линия, отделяющая один мир/пространство от другого. Так, на рисунке 1 пространство больницы разделено не только окнами, в каждом из которых представлен свой символический ряд (со стороны девочки, дарящей желтые цветы раненому бойцу, яркое солнце, со стороны солдата — голубое небо и голубь как символ мира), но и плакатом с изображением красного креста. Редко российский солдат изображается в форме, в бою или среди убитых, более характерна картина, когда боец ранен и о нем заботятся — навещают, приносят цветы, обеспечивают всем необходимым. Бинт на столе на переднем плане и брошенный медицинский халат с повторяющимся знаком красного креста подчеркивают не только эту заботу, но и разграничение пространства войны и мира: мир отвечает и за материальное обеспечение, и за моральную и медицинскую поддержку. Ребенок отобразил характерные для российской идеологии нарративы: в условиях нынешнего мира «здесь» главное не снабжение фронта вооружением (вспомним агитационные плакаты эпохи Великой Отечественной войны, где дети вместе со взрослыми круглосуточно работают на военном производстве для фронта), а укрепление здоровья и морального духа.

В связи с изложенным, для фиксации определенного контраста, приведем часть письма женщины (80 лет), помогающей участникам СВО, которая, как и школьники, решила писать им письма: *«Дорогие мои ребята! ...Я родилась в 1940 году в большой семье, по счету десятая. И не понаслышке знаю о войне, голоде, разрухе. Два моих родных брата воевали и рассказыва-*

ли, как долго они шли к Победе. Вот и сейчас, вы, не жалея себя, боретесь за то, чтобы тысячи людей жили под мирным небом, чтобы дети не были сиротами, чтобы нацизм не пробрался в нашу страну. Вы настоящие герои... Милые мои сыночки, я сейчас инвалид, передвигаюсь с помощью ходунков, ни транспортабельная, нахожусь дома. Но все равно я хочу жить, все это жизнь. Я — «дети войны», вспоминаю 1946–1947 годы, как хотелось есть всегда». Этот отрывок показывает колоссальное различие образов СВО и Великой Отечественной войны: ни голода, ни тягот той войны, о которых вспоминает очевидец послевоенных лет, мы не встречаем в рисунках современных школьников, как и глубоко, лично пережитого понимания, что война — это страшно, и хочется жить в любых обстоятельствах.

Современная война, в частности СВО, действительно иная: применительно к СВО, а не к нынешним войнам вообще новым является то, что в ситуации глобальной включенности в современную войну СМИ, которые стирают границы между миром и войной, мы обнаруживаем, что доступность информации упрощает влияние различных идеологий, тем самым, наоборот, в определенном смысле проводя весьма жесткие границы между миром (тылом) и войной (фронтом), несмотря на значительную помощь волонтеров и сочувствующих россиян. Иными словами, в результате множественного влияния различных идеологий из разных источников отличается не только образ СВО у разных групп (в соответствии с мнением их референтных «других»), но и тяготы СВО распределяются среди населения неравномерно, не будучи для большинства тем же грузом и зоной ответственности, как в период Великой Отечественной войны, когда буквально вся страна встала на защиту родины. «Новый» характер СВО подтверждает и организация экономики, которая даже на третий год СВО не переведена на военные рельсы. Гибридная война имеет и гибридный (ассиметричный) способ организации решений — когда нелинейно, вариативно сочетаются несколько областей управления и население включено в процесс войны избирательно. При этом трудно не согласиться, что «новые войны чаще всего ведутся против гражданского населения» [6. С. 95], что нарушает и перенастраивает триаду прежних отношений «правительство–армия–народ», делая народ активно, но неравномерно включенным в боевые действия и стратегии (так, приграничные территории, по сути, становятся санитарными зонами, а их население — заложниками террористических акций противника). СВО имеет несколько различно сформированных пространств — для ее участников оно формируется иначе, чем для гражданских лиц, и тем более детей: в этих пространствах свои лидеры общественного мнения и свои идеологические и этические нарративы.

Обращаясь к ответам солдат СВО к детям, попробуем отделить идеологическое от этического и определить «этику войны» через тексты ее непосредственных участников. Безусловно, наличие идеологических нарративов

в письмах во многом зависит от авторства — коллективное оно или личное. Письма за подписью «бойцы армии РФ», «командир и бригада», «от всего гранатометного взвода» и т.п. чаще всего содержали идеологические клише; личные письма, хотя и повторяли структуру коллективных (обращение, благодарность, краткое описание жизни на войне, пожелание), зачастую были менее многословны и чаще отсылали к этическим вопросам.

Одна из наиболее ярких установок в письмах состоит в том, что бойцы СВО связывают и отождествляют по задачам данный конфликт с событиями Великой Отечественной войны, используя риторику тех военных лет, например, «враг будет разбит, победа будет за нами» — слова из речи В.М. Молотова, произнесенные 22 июня 1941 года в его обращении к нации. Симптоматично, что ни в одном из проанализированных писем мы не встретили цитаты из речей Президента или членов Правительства РФ, и в целом первые лица страны в письмах не упоминаются. Это в определенной степени тоже особенность нового типа войны, где риторика политических лидеров практически не просматривается в повседневном языке воюющих.

Многие письма объясняют причины СВО и рисуют образ врага: *«Здравствуй, юный друг! В эти непростые для нашей Родины дни, когда поднявший голову фашизм бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с огромными для него потерями, рвется вперед, разоряет наши города и села, грабит и убивает мирное население Донбасса, существует только один выход — объединить усилия всей нашей многонациональной великой России...»*. Данный отрывок коллективного письма наполнен идеологемами: враг отождествляется с «поднявшим голову фашизмом» (что указывает на связь с советским военным прошлым) и представлен не только в образе ожившего ужасного прошлого, но и как активно действующий, атакующий. Наиболее частотной характеристикой врага во всех проанализированных письмах стало нейтральное с точки зрения негативной риторики, но понятное и обобщенное обозначение «оживший фашизм», «украинский неонацизм». Над врагом не иронизируют, ему не дают (по крайней мере в письмах детям) оскорбительных ярлыков и не стигматизируют, т.е. не исключительно ненависть является (по крайней мере судя по письмам) доминирующим чувством к врагу.

Вторая идеологема — страна как Родина с заглавной буквы, «Великая Россия», которая мыслится исключительно как многонациональная. Безусловно, это также отголоски советской эпохи, возможно, советской юности и воспитания, и отчасти той повестки, которая формируется в современной России как ее многонациональная политика: *«Знай, что Великая Победа — это наше общее дело, общее дело всех народов Великой России»*. Кроме того, транслируется идеологический нарратив: «война — общее дело», в ней должны участвовать все без исключения, причем, как будет показано ниже, подобный нарратив настолько значим и часто повторяется, что и, про-

исходя из области идеологических суждений, начинает обретать черты некой этической нормы.

Этот нарратив повторяется и в личных письмах: *«Знай, что Великая Победа над поднявшим голову фашизмом куется не только здесь, на передовой, и не только с помощью оружия, не только на военных заводах, она куется только тогда, когда объединяется вся наша Родина Россия!!! И вы своими письмами и посылками вносите огромный вклад в наше общее дело»*. Видимо, устойчивый нарратив «война — общее дело» — это не только повторение общей идеологемы «старых» войн, но и попытка солдат обозначить связь с миром, показать, что и маленькие участники тыла — часть пространства войны, бойцы, работающие на победу. В ситуации, когда не все население включено в пространство войны, и часть общества ушла в протестные настроения, а солдат убежден, что «война — это общее дело», подобные обращения к детям выглядят как попытка нивелировать гибридность (асимметричность) новой войны и прийти к ее традиционным смыслам и пониманию.

Примечательно, что идеологически сформированное представление об СВО как аналогичной Великой Отечественной войне имеет и свою этическую оценку, которая проявилась в более сложных нарративах, например: *«Еще в XX веке наши деды, прадеды столкнулись с таким же злом, которое практически захватило весь мир. Но наши предки смогли остановить зло и долгие годы мир жил более-менее спокойно. Сейчас зло снова проснулось, и мы с тобой ведем с ним бой»*. Здесь речь идет уже не столько о стране и ее защите, сколько о борьбе добра со злом — отсюда образы «воинов света»: во-первых, это сами солдаты, во-вторых, предыдущие поколения русских солдат («деды и прадеды»). Само повествование письма сказительное (яркое свидетельство — зло как что-то одушевленное, засыпает и потом просыпается), оформляющее сложные, в том числе исторические, события в доступную для ребенка форму, где есть как минимум три пространства повествования: засыпающее и вновь просыпающее зло (по сути, вечное), весь остальной мир, героические пространства предков и нынешних борцов со злом. Интересно, что этические нарративы перемеживаются с идеологическими, например, с часто встречаемым: *«мы повторим подвиг наших дедов и прадедов»*.

Этим объясняется трудноуловимость этического, его малодоступность в условиях идеологического «шума». В идеологеме есть указание на неизбежность одного сценария развития событий — «мы повторим подвиг», и включение в настоящее еще не свершившегося будущего, которое уже определено и известно. В этическом высказывании есть указание на процесс — «мы ведем со злом бой», он не только не завершен, но и конец его не известен, можно только предполагать, что итог будет таким же, как у предыдущих поколений воинов. Более того, в этическом высказывании акцент сделан на бое

как процессе борьбы со злом (который повторяется, потому что зло засыпает-просыпается, в этом смысле предполагаемый бой бесконечен), тогда как в идеологии — на победе. В другом письме за подписью командира стрелкового взвода снайперов, старшего лейтенанта встречаются еще более жесткие формулировки: *«Военная операция, в которой принимаем участие мы, закончится нашей победой, но не закончится битва добра со злом, духовности с жадностью, веры в бога с безверием. Сейчас эту битву ведем мы, потом бороться придется тебе».*

Таким образом, мы постоянно встречаем этическое обоснование войны как борьбы добра со злом, и в этой борьбе обнаруживается преемственность поколений. Зло и добро здесь — категории не идеологические, а этико-онтологические, имеющие в представлениях человека трансцендентные, вневременные характеристики, поэтому и образ врага связывается не столько с фашизмом как с ультра националистической идеологией и соответствующей организацией социальной и политической жизни, сколько с выходящими за пределы социального онтологическими смыслами. В тексте письма с этическими высказываниями наблюдаются и размышления на тему правды. Примечательно, что для прояснения нарратива о правде адресант обращается и к образам киногероев, в частности Данилы Багрова из фильма «Брат–2». Однако этическое в данном случае имеет негативистские черты, которые проявлены как в образе упоминаемого киногероя (Данила Багров на протяжении двух частей фильма убивает «нехороших» людей), так и в обосновании этической нормы адресантом: *«Верь в то, что Победа будет за нами, ведь как говорил герой фильма “Брат-2” Данила Багров: “В чем сила? В том, что за ней правда”. А за нами правда».*

Мы видим довольно интересную коллизию: в письме сила отождествляется с правдой и проявляется в том, что за ней (не впереди или вместе с ней) правда — сначала проявление силы, а затем за ней обнаруживается правда: *«мы обязательно победим, и правда будет только за нами».* Подобная логика чревата тем, что проявленную силу можно оправдать и привязать к этому «затем» любую правду. Возможно, это связано с ошибочным изложением, но прослеживается и особая интерпретация слов киногероя. Данила Багров задает вопрос о том, в чем сила, на протяжении фильма не единожды. Сначала он спрашивает родного брата и получает ответ, что сила в деньгах, а затем отвечает на вопрос сам, общаясь с американцем, которого собирается убить: *«Я вот думаю, что сила в правде. У кого правда, тот и сильнее. Вот ты обманул кого-то, денег нажил... И чего? Ты сильнее стал? Нет. Не стал. Потому что правды за тобой нет. А тот, кого обманул, за ним правда. Значит, он сильнее».* Мы не случайно приводим здесь данный отрывок — это не только культовый фильм, оказавший влияние на целое поколение, но и часто упоминаемый участниками СВО.

Следует отметить, что Данила Багров в своем ответе, с одной стороны, противостоит распространенному мнению об американцах и их этическом идеале, связанном с наживой и деньгами, а, с другой, предлагает свой идеал, что сила в правде, и обманутый тем, за кем нет правды, всегда сильнее. В этом контексте иначе «прочитываются» и многочисленные выступления В.В. Путина, в которых он неоднократно заявляет о позиции России в отношениях с Западом — «нас обманули». Вопрос о силе-правде не рассматривается нами как второстепенный, скорее это базовый русский архетип, поэтому и основные требования, в том числе к президенту и ведению СВО, оказываются в этой этической точке, причем противопоставление правды деньгам (как это звучит в фильме «Брат–2») — в том числе и советская история, где этический идеал — запрос на справедливость.

Помимо нарратива о правде в письмах затрагивается вопрос о том, кто же настоящий солдат, как он формируется, и здесь хороший боец рассматривается как часть и результат коллективного «общего дела»: «...*Солдат должен пройти огромный этап обучения как в школе, так и в армейских подразделениях. Помимо этого, у него должно быть оружие, которое создаст инженер, а рабочий его произведет на заводе. Будучи школьником, который хочет нам помочь, каждый должен стараться в учебе и заниматься спортом...*». Нарратив о «настоящем солдате» не столько об этической норме, сколько об «общем деле», которое объединяет людей и специалистов на самых разных уровнях, в том числе и детей. В проанализированных письмах о военном кодексе и этике солдата на упоминалось, бойцы предпочитают говорить о себе как о «русских солдатах», используя такие обороты, как «*мы солдаты русской армии...*», «*за нашими спинами есть тот, кто живет даже за 1000 километров, думает и переживает за русского солдата!*» и пр. Симптоматично, что участники СВО говорят преимущественно о своей русской, а не российской идентичности, тогда как в школьных рисунках СВО отождествляется с символами российской идентичности.

Этическая компонента часто проявлялась в письмах в формате воспитательных наставлений, например солдат за подписью «дядя Сережа», обращаясь к своему адресату, мальчику, по имени, пишет: «*Пока ты не стал взрослым, твоя боевая задача — слушаться родителей и учителей и получать как можно больше полезных знаний. Своими хорошими знаниями ты укрепляешь свою страну*». Тем самым подчеркивается значение сразу нескольких добродетелей/ценностей — послушания и образования, причем последнее связывается с укреплением страны. И хотя, как отмечается в литературе, «этики долга и самореализации в современном мире стали чисто формальными» [8. С. 30], и на смену им пришла так называемая «новая этика», все же для солдат это опосредованные конструкции,

и по крайней мере в письмах к детям наблюдается обратное — призыв к этикам долга и самореализации. В этом смысле участник СВО в некотором смысле ретроград, приверженец традиционных взглядов, этически не вполне современный, предпочитающий этические нарративы прошлого, в частности советского.

Говоря о формах негативности в этике как неотъемлемом проявлении ее диалектичности, А.В. Магун в качестве одной из наиболее распространенных этик называет «этику этического тождества: делай всегда только одно» [8. С. 117], объясняя логику ее действия с помощью термина из теории музыки — затакт (вступление с неполной доли и своеобразное ее закольцовывание с остающимися долями окончания произведения). При встрече с реальностью такая этика приходит и к своей отрицательной стороне, которая проявляется в том, о чем в свое время писал З. Фрейд, указывая на корреляцию «влечения к смерти» с повторением, замыканием на раннем опыте. Подобные проявления можно отождествить как минимум с конфликтной этикой, как максимум — с сугубо негативной этикой сопротивления жизни [8. С. 117]. В реальности подобной этике тождества необходим баланс добра и зла, прошлого и будущего. Мы обнаруживаем в письмах солдат к детям несколько подчеркнутую связь СВО с травматичной по своим последствиям [11], хотя и победоносной, триумфальной, вдохновляющей к жизни Великой Отечественной войной [16]. Создается впечатление, что в письмах не хватает простора для будущего, которого либо не видят солдаты, либо этот простор намеренно сужается соответствующей идеологией, и тогда фронтовым идеологам следует задуматься о негативной стороне подобного затакта и соответствующей этики. В то же время нарратив о смерти в письмах к детям практически не встречается (только одно письмо-исповедь, эмоционально сильное, затрагивает эту тему), отчего складывается впечатление, что данная тема несколько табуирована, поэтому и негативность может обнаруживаться не сразу.

В своем наставлении другой боец дает ребенку совет этического свойства по поводу того, как жить, чтобы все получалось правильно: *«Любое дело начинай с требований к себе, и тогда все будет получаться правильно»*. Эта этическая установка уже не о коллективной идеологическо-этической норме («война — общее дело»), а о формировании индивидуалистических паттернов поведения, позволяющих любое дело делать и жить правильно. Сегодня подобные этические установки нередко критикуются психологами, в частности за невротизм, который возникает в результате завышенных и постоянных требований к себе, однако в военных условиях, требующих преодоления на грани собственных сил и возможностей, подобный нарратив вполне оправдан.

Таким образом, война в представлениях солдат — это «общее дело», поэтому новый характер СВО, который проявился в том числе в идеологической

неоднородности населения в отношении данного конфликта, бойцам слабо понятен. Более того, ценностно и этически они в определенном смысле находятся в прошлом, с крайне актуализированной исторической памятью (где подвиги дедов-прадедов и связь с ними особенно значимы), причем преимущественно в советском прошлом, не только отождествляя СВО с Великой Отечественной войной, но и используя ее риторику, воспроизводя ее идеологические и этические нарративы.

Как показал проведенный анализ, в письмах достаточно информации, чтобы разглядеть образ врага (как его видят и понимают солдаты), почти ничего не говорится об убийстве как неотъемлемой составляющей войны, и прослеживается определенная табуированность темы смерти. Отчасти это согласуется с образом СВО, представленным на рисунках детей, — военный конфликт где-то «там», без значительного числа жертв. Поэтому не случайно, солдаты в письмах детям не актуализируют тему уничтожения противника и смерти, лишь завуалированно, без конкретики отмечая, что «в это непростое для всей страны время» хотят «пожелать мирного неба и никогда не видеть ужасов войны», «не видеть то, что видим мы» и «чтобы это все побыстрее закончилось» и т.д.

Этическая составляющая наиболее полно проявилась в отношении образа врага, который, с одной стороны, символически связан с советским военным прошлым, а, с другой, со злом как вневременной онтологической категорией. Поэтому СВО не воспринимается солдатами как последний военный конфликт, себя и своих адресатов они представляют как звенья единой поколенческой цепи борьбы добра со злом, чем определяют справедливость и потому оправданность СВО. Примечательно, что зло в нарративах солдат почти одушевленное, поэтому письма имеют черты сказания или мифа с его соответствующими символическими структурами, включая нарратив о «силе-правде». Его обоснованием служат не евангельские тексты, а фильм режиссера А. Балабанова «Брат 2», в котором, видимо, отразились не только поколенческие, но и архетипические для русского солдата смыслы. При этом интерпретируют их участники СВО довольно своеобразно, что указывает в том числе на определенный кризис этического, тем более что источник этических вопросов — кино — сомнителен, учитывая соответствующее законам жанра максимальное упрощение информации. В этом смысле этические нарративы участников СВО больше похожи не на целостную мировоззренческую картину, а на разрозненные фрагменты и идеи прошлого, пока слабо переработанные применительно к современным реалиям. В этом, видимо, отражаются и тенденции развития российского общества, которое после распада СССР все еще находится в процессе сборки и переформатирования — ценностно, этически и онтологически. При этом в письмах солдат СВО детям нет ни строчки ни о «Русском мире» (активно обсуждаемом на Западе [см., напр.: 17] (1)),

ни о «Русской идее», что характеризует таковые как прежде всего теоретические конструкции интеллектуалов, не воспринятые народом в той степени, чтобы отражаться в повседневном дискурсе.

Примечание

- (1) В статье с очевидной идеологической составляющей авторы приходят к выводу, что «На мировой арене Русский мир плохо экспортируется», более того, «после вторжения на Украину происходит обратный эффект — уменьшение Русского мира». Однако идея Русского мира не только плохо экспортируется, но и внутри страны не имеет серьезного идеологического влияния на массы. Это свидетельствует не о том, что русского мира нет (он есть, как есть американский и прочие «миры»), а о том, что у данной идеи как идеологического концепта нет столь мощного основания, чтобы поддерживался большинством. Письма солдат СВО показывают, что ими движет совсем иная идея, нежели идея Русского мира (патриотизм простого россиянина, в том числе непосредственного участника СВО, имеет иной характер).

Библиографический список

1. *Алексеева-Карневали О.А.* Топология войны. Война как «трансформация»: от Клаузевица до советской военной теории. М., 2020.
2. *Гидденс Э., Саттон Ф.* Основные понятия в социологии. М., 2019.
3. *Дестют де Траси А.-Л.-К.* Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова. М., 2018.
4. Идеологии и генезис ценностей современного общества. СПб., 2016.
5. *Калдор М.* Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М., 2015.
6. *Куманьков А.Д.* Война в XXI веке. М., 2020.
7. *Лоренц К.* Агрессия. М., 1994.
8. *Магун А.В.* От триггера к трикстеру. Энциклопедия диалектических наук. Т. 2: Негативность в этике. М., 2022.
9. *Образцов И.В.* Война как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2020. № 10.
10. *Снесарев А.* Философия войны. М., 2013.
11. *Тощенко Ж.Т.* Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М., 2020.
12. *Троцук И.В.* О метатеоретизировании в области анализа текстовых данных // Социологические исследования. 2017. № 9.
13. *Троцук И.В.* Нарративный анализ в социологии: подход, метод или метафора? // Практики анализа качественных данных в социальных науках. М., 2023.
14. Эго-документы: Россия первой половины XX века в межстичниковых диалогах / Под ред. М.А. Литовской, Н.В. Суржиковой. М.–Екатеринбург, 2021.
15. Этика войны и мира: история и перспективы исследования / Под общ. ред. Б.Н. Кашникова, А.Д. Куманькова. СПб., 2016.
16. *Giesen B.* Triumph and Trauma. Paradigm Publishers, 2004.
17. *Gioe D.V., Styles W.* Vladimir Putin's Russian world turned upside down // Armed Forces & Society. 2024. Vol. 50. No. 2.
18. *Hoffman F., Mattis J.N.* Future warfare: The rise of hybrid warfare // U.S. Naval Institute Proceedings, 2005.
19. *Trotsuk I.* Instead of a review; or, what, and thanks to whom, do we know about a man at war? // Russian Sociological Review. 2015. Vol. 14. No. 4.

“Ethics” of war in the SMO soldiers’ letters to children*

M.A. Podlesnaia

Institute of Sociology of FCTAS,
Bolshaya Andronievskaya St., 5–1, Moscow, 109544, Russia

(e-mail: yamap@yandex.ru)

Abstract. The special military operation (SMO) has actualized ethical and ideological aspects of war, which led to the corresponding social consequences. One of them is related to the educational-ideological component and manifests itself in the fact that children and schoolchildren began to write letters, send crafts and drawings to soldiers. In turn, these messages gave rise to a response movement in the form of personal and collective letters from soldiers to schoolchildren and “walls of support” made of children’s letters and drawings in dugouts. Thus, there is a kind of correspondence which reflects not only the ideas of civilians on the SMO events but also the soldiers’ “life world” and actualized values — manifested and realized during the SMO and then recorded in its ethical and ideological discourses. The article presents an attempt of an exploratory analysis of ego-documents — letters from soldiers to children — as reflecting ideas about war. The conducted analysis is metatheoretical due to combining discourse analysis (a common refrain), narrative analysis (letters) and biographical analysis (SMO as a kind of a temporary extended epiphany which makes a person rethink one’s life in the context of collective ideals). The main categories of analysis were as follows: attitudes towards enemy; attitudes towards killing; attitudes towards death; moral imperatives for justifying military actions; space of war. The results of the analysis of these categories represent the “ethics of war” typical for today’s Russian soldiers. The conducted study is interdisciplinary due to the theoretical combination of the ideas and approaches of military sociology, theory of values and ethics. In particular, the author mentions features of the so-called “new hybrid” wars, transformations of ethics in the contemporary society, and differences between the ideological and the ethical in collected narratives. The author comes to the conclusion that in terms of values and ethics Russian soldiers are in a certain sense located in the past due to an extremely revived historical memory (feats of grandfathers and great-grandfathers and the connection with them are especially significant), and this is primarily a memory of the Soviet past: the SMO is not only identified with the events of the Great Patriotic War of 1941–1945 but also borrows its rhetoric, reproducing its ideological and ethical narratives.

Key words: ethics; ideology; war and peace; ethics of war; actualized values; special military operation; soldiers; analysis of letters; ego-documents

References

1. Alekseeva-Karnevali O.A. *Topologiya vojny. Vojna kak “transformatsiya”: Ot Clausewitza do sovetskoj voennoj teorii* [Topology of War. War as a “Transformation”: From Clausewitz to the Soviet Military Theory]. Moscow; 2020. (In Russ.).
2. Giddens A., Sutton F. *Osnovnye ponyatiya v sotsiologii* [Essential Concepts in Sociology]. Moscow; 2019. (In Russ.).
3. Destutt de Tracy A.-L.-C. *Osnovy ideologii. Ideologiya v sobstvennom smysle slova* [Foundations of Ideology. Ideology in the Proper Sense of the Word]. Moscow; 2018. (In Russ.).

---

* © M.A. Podlesnaia, 2024

The article was submitted on 19.04.2024. The article was accepted on 14.06.2024.

4. *Ideologii i genesis tsennostej sovremennogo obshchestva* [Ideologies and Genesis of Values in the Contemporary Society]. Saint Petersburg; 2016. (In Russ.).
5. Kaldor M. *Novye i starye vojny: organizovannoe nasilie v globalnuyu epokhu* [New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era]. Moscow; 2015. (In Russ.).
6. Kumankov A.D. *Vojna v XXI veke* [War in the 21st Century]. Moscow; 2020. (In Russ.).
7. Lorenz K. *Agressiya* [On Aggression]. Moscow; 1994. (In Russ.).
8. Magun A.V. *Ot triggera k triksteru. Entsiklopediya dialekticheskikh nauk. T. 2. Negativnost v etike* [From Trigger to Trickster. Encyclopedia of Dialectical Sciences. Vol. 2. : Negativity in Ethics]. Moscow; 2022. (In Russ.).
9. Obraztsov I.V. *Vojna kak ob`ekt sotsiologicheskogo analiza* [War as an object of sociological analysis]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020; 10. (In Russ.).
10. Snesev A. *Filosofiya vojny* [Philosophy of War]. Moscow; 2013. (In Russ.).
11. Toshchenko Zh.T. *Obshchestvo travmy: mezhdru evolyutsiej i revolyutsiej (opyt teoreticheskogo i empiricheskogo analiza)* [Trauma Society: Between Evolution and Revolution (A Theoretical-Empirical Analysis)]. Moscow; 2020. (In Russ.).
12. Trotsuk I.V. *O metateoretizirovanii v oblasti analiza tekstovykh dannykh* [Metatheorizing in the sociological study of textual data]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2017; 9. (In Russ.).
13. Trotsuk I.V. *Narrativny analiz v sotsiologii: podkhod, metod ili metafora?* [Narrative analysis in sociology: Approach, method or metaphor?]. *Praktiki analiza kachestvennykh dannykh v sotsialnykh naukah*. Moscow; 2023. (In Russ.).
14. *Ego-dokumenty: Rossiya pervoj poloviny XX veka v mezhistochnikovykh dialogah* [Ego-Documents: Russia in the First Half of the 20th Century in the Inter-Source Dialogues]. Ed. by M.A. Litovskaya, N.V. Surzhikova. Moscow–Yekaterinburg; 2021. (In Russ.).
15. *Etika vojny i mira: istoriya i perspektivy issledovaniya* [Ethics of War and Peace: History and Research Prospects]. Ed. by B.N. Kashnikov, A.D. Kumankov. Saint Petersburg; 2016. (In Russ.).
16. Giesen B. *Triumph and Trauma*. Paradigm Publishers; 2004.
17. Gioe D.V., Styles W. Vladimir Putin's Russian world turned upside down. *Armed Forces & Society*. 2024; 50 (2).
18. Hoffman F., Mattis J.N. *Future warfare: The rise of hybrid warfare*. *U.S. Naval Institute Proceedings*; 2005.
19. Trotsuk I. *Instead of a review; or, what, and thanks to whom, do we know about a man at war?* *Russian Sociological Review*. 2015; 14 (4).